

СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

П. В. Баутина

*Волжский филиал Казанского национального исследовательского
технологического университета*

Поступила в редакцию 5 февраля 2014 г.

Аннотация: *Способы конструирования социальных проблем в журналистике – это сложный творческий процесс, который возникает в журналистской среде и становится публичным тогда, когда получает право легитимности на существование и определенное положение в социуме. Медиа, журналистика выступают символической средой этого взаимодействия.*

Ключевые слова: *социальная проблема, конструирование, вторичные утверждения-требования, новые утверждения-требования, нарратив, контрриторика, авторский дискурс, дискурсное поле, интердискурсивность.*

Abstract: *Methods for the construction of social problems in journalism is a complex creative process that occurs among journalists and it becomes public only when it gets the right of legitimacy to existence and determination of the position in society. Media, journalism serves a symbolic medium of this interaction.*

Key words: *social problem, construction, secondary approval requirements, new claims, demands, narrative, counter rhetoric, author's discourse, discursive field, inter-discursivity.*

О социальных проблемах говорят и политики, и экономисты, и социологи. Социальные проблемы – это предмет публичных выступлений специалистов, выступления которых не всегда озвучиваются в СМИ. Социальные проблемы формулируются и в официальных документах, и в Интернете, и в других каналах связи с населением. Зачастую СМИ реконструируют социальные проблемы во *вторичные утверждения-требования* о новых социальных проблемах, а также *новые утверждения-требования* о знакомых проблемах, которые в этом случае становятся «сырьем» для журналистских материалов. Такие утверждения-требования могут вызвать повышенное внимание со стороны аудитории, что идеально для попадания данного вопроса в поле зрения общественности. Однако существует и обратный процесс: если проблема привлекает внимание медиа достаточно долго, то последние начинают поиск и конструирование «других» проблем – более «свежих», несмотря на то, что «старая» проблема еще существует. Таким образом, конструирование социальных проблем – это сложный, противоречивый процесс выдвижения убедительных утверждений-требований, которые создаются и распространяются некоторой группой индивидов, привлекающих внимание, вызывающих обеспокоенность со стороны медиа, общественности и тех, кто определяет политику и способствует принятию определенных

мер. Это комплексная форма символического взаимодействия.

Убеждения-требования также могут быть представлены в виде убедительных нарративов. Нарратив – это повествование или повествования о событиях, которые произошли, происходят или могли произойти с людьми, животными, насекомыми и пр. Нарратив – это история, содержащая последовательность событий, что предполагает связь нарратива с некоторым определенным периодом времени [1]. Поль Рикер подчеркивает следующие составляющие нарратива: понятие события, понятие персонажа, понятие «нарративной связности», суть которой «в синтезе разнородного» для обозначения координации либо между многочисленными событиями, либо между причинами, намерениями, а также случайностями в одном и том же смысловом единстве [2]. В текстовом пространстве газеты как раз и воплощается этот «синтез разнородного»: в разных газетных жанрах выдвигаются разные «персонажи» и «события», предлагается альтернатива между чистой информацией и объяснением событий, происходит взаимообмен между структурами, конъюнктурами и событиями. Таким образом, одна и та же социальная проблема может иметь разные нарративные основания.

Примером может послужить проблема наркомагии, рассмотренная в трех публикациях. Первая публикация в газете «Метро пресс» №3 (179) от 30 января – 6 февраля 2009 г. «О наркотиках надо знать

все!», в которой рассказывается об общественной благотворительной группе по антинаркотическому образованию г. Казани «Скажи “нет”! наркотикам, скажи “Да!” жизни». Группа работает по методике, разработанной международным фондом «За жизнь без наркотиков». Задача (нарративные основания), как объясняет в публикации руководитель группы Елена Лебедева, спасти тех, кто еще не встал на путь наркомании: «мы вооружаем молодых людей теми знаниями о наркотиках, которые позволят им принять определенную позицию и не поддаваться на ухищрения наркоторговцев». «Персонажи» – руководитель группы Елена Лебедева, журналист Ирина Ронжина; «события» – активная трехмесячная работа со школами (проведение занятий, лекций, раздача брошюр и пр.). «Чистая» информация в материале – это диалог (интервью) руководителя группы и журналиста. «Объяснение событий» в данной публикации нет. Обмен информацией происходит через связь журналист – интервьюируемый, таким образом, эту связь можно представить как СМИ – аудитория.

Вторая публикация, заключающая в себе нарративный вариант, была напечатана в газете «Марийская правда» от 3 декабря 2008 г. (№221) и называлась «Любовь довела до тюрьмы». «Персонажи» – гражданин Войнов, «мотающий срок в исправительной колонии», «влюбленная женщина» и журналист-рассказчик Данил Сербицкий. «Нарративные основания» или «события» составляют контент статьи – заключенный, он же «принц-любовник», познакомившись по телефону, смог легко завоевать одинокое сердце женщины и стал использовать «любимую» как наркокурьера. «Женщине приносили героин, она его расфасовывала, смешивала с анальгином, относила в условленные тайники». «Чистая информация» отсутствует, поэтому ее «объясняет» автор-рассказчик, который повествует, исходя из сведений МВД РМЭ, «влюбленная женщина стала наркокурьером». В конце публикации автор, ссылаясь на структуры, выводит резюме: «суд приговорит женщину к трем годам исправительной колонии, а “герою-любовнику” придется отсидеть еще 12 лет».

Третья публикация в газете «Аргументы и факты» от декабря 2008 г. (№49) посвящена аналогичному дискурсу и называется «Секс, ВИЧ, наркотики и другие недетские “радости” наших детей». Нарративный рассказ автора Сергея Борисова о безнадзорных детях, которым «живется несладко». «Персонажи» здесь выступают в роли безнадзорных детей, которых насчитывается в России около 700 тысяч. Здесь же автор повествует обо всех социальных проблемах, которые стали «хроническими» – сексуальная распущенность, алкогольная зависимость, распространение детской порнографии и наркотики. «Нарративная связность» заключается в контенте автора – «чистой информации» (статистические данные): «Средний возраст начала употребления наркотиков за последнее десятилетие снизился с 18 до 14» тут же приводит схожие примеры: «алкоголя – с 16 до 13, табака – с 15 до 11. Более 60 % несовершеннолетних курят, свыше 60 тысяч – официально считаются алкоголиками». Взаимообмен информацией общества с государственными структурами происходит через Общественную палату, на которую ссылается автор публикации.

Таким образом, все три журналистские публикации свидетельствуют об одной и той же социальной проблеме, только ракурс нарративного основания, нарративной связности, событий и персонажей, обмена информацией у всех материалов разный, о чем уже упоминалось ранее, и как будет показано в следующих главах.

Другой способ конструирования социальных проблем – контрриторическая стратегия. О ней говорят П. Ибарра и Дж. Китсьюз, подразделяя ее на два класса: 1) «сочувствующая» контрриторика; 2) «несочувствующая» контрриторика. «Сочувствующая» контрриторика включает в себя пять стратегий. Первой является *натурализация* – стратегия, при которой принимается оценка ситуации как проблемы, но в то же время отвергается призыв к действию посредством представления самой ситуации в качестве неизбежной. Вторая стратегия – контрриторика *затрат*, связанных с исправлением ситуации, заключается в утверждении, что следует примириться с проблематичным условием, а не исправлять его посредством предлагаемых мер. Третья стратегия «сочувствующей» контрриторики – *декларация бессилия* – предполагает проявление морального сочувствия и в то же время указание на истощение имеющихся ресурсов, не позволяющее справиться с ситуацией. Четвертую «сочувствующую» контрриторическую стратегию Ибарра и Китсьюз называют *перспективизацией*. Она заключается в утверждении, что объяснение, предлагаемое людьми, которые конструируют проблему, это всего лишь их «взгляд» (субъективное мнение) на положение дел, отличающийся от самого положения дел. Наконец, пятый контрриторический стиль этого класса – *критика тактики*. Критик соглашается с предлагаемой характеристикой ситуации, но возражает против средств конструирования социальной проблемы.

Другой класс контрриторических стратегий – «несочувствующая» контрриторика, состоящая из четырех стратегий. Стратегия *антитипизации* подразумевает, что утверждения людей, заявляющих о проблематичности ситуации, «на самом деле» не являются описанием полномасштабной социальной проблемы, а относятся к тому, что можно назвать «отдельными инцидентами». Вторая стратегия данного типа – опровергающие истории – предпо-

лагает дискредитацию утверждений о серьезности ситуации посредством приведения примеров. При использовании третьей стратегии – *контрриторики неискренности* – лицо, противодействующее конструированию социальной проблемы, заявляет, что предлагаемая характеристика ситуации подозрительна, поскольку у того, кто определяет проблему, имеется своя «скрытая повестка дня». Последняя – *контрриторика истерии* предполагает указание на то, что суждения людей, конструирующих проблему, не основываются на «здравой» оценке ситуации, а находятся под влиянием «эмоциональных» факторов. Мы используем классификацию Ибарры и Китсьюз для определения стратегий депроблематизации, используемых в региональной прессе, показывая, как некоторые СМИ нейтрализуют, «выхолащивают» или «переводят стрелки» с одной проблемы на другие. Или как работает так называемый «*эффект зазеркалья*», когда одна и та же социальная проблема в конструируемых СМИ событиях имеет свой антипод, то есть полностью представлена в другом ракурсе. Таким способом пользуются проправительственные СМИ или СМИ, которые в той или иной мере зависят от власти. В нашем случае это анализируемые нами издания, такие как «Российская газета», региональная городская газета «Волжская правда», в которых угол зрения чаще всего изменен и направлен в иной ракурс, выгодный для последних. Как правило, забегая вперед, скажем, что такая «качественная пресса», как «Новая газета», «Новые известия», «Коммерсантъ» не используют «контрриторические стратегии», а исследуют проблемную ситуацию, ищут выход и пытаются дать ей логическое основание. Становясь по своей природе «социальной», какой и должна быть в полном смысле журналистика.

Важное значение в конструировании социальных проблем имеет авторский дискурс, который происходит в рамках коммуникативных наук, поэтому, рассуждая далее на эту тему, необходимо затронуть коммуникативные предпосылки проблемного дискурса. Именно с помощью этого метода мы будем изучать, анализировать и делать выводы о социальной журналистике, ее тенденциях и перспективах.

Проблемный дискурс всегда имеет в основании тот самый «*авторский дискурс*», когда журналист-исследователь расследует ту или иную проблему, выступая как эмпирик, практик и даже эксперт. Здесь мы можем обратиться к аналитической журналистике, позволяющей выявлять причинно-следственные связи, которая заключает в себе жанр «журналистику расследования». Именно в такой ее интерпретации авторский дискурс в полной мере проявляет себя.

Авторский дискурс, или *авторизация*, один из творческих способов журналистики, благодаря которому автор самостоятельно оценивает и осмыс-

ляет реальную ситуацию, демонстрируя свою мировоззренческую позицию и индивидуальность языковой раскрепощенностью, стремлением отойти от однообразия и монотонности. Примером могут послужить еженедельные авторские дискурсы Вячеслава Костикова в газете «Аргументы и факты». Рассуждая на проблемные темы: экономика и бизнес, политика и дипломатика, здоровье и образование, демография и сиротство, В. Костиков дает возможность представить авторскую картину, например, «Дурак на стройке капитализма. Кто навязывает россиянам образ Ивана-дурака?» [3] или «О чем звонит моральный кодекс? Богатые и бедные в условиях кризиса» [4]. Используя прием интерстилевого тонирования, Вячеслав Костиков демократизирует язык: «отнимаем ментай у кошки», «пущать пропаганду», «попсовая obsлyга», вводит экспрессивные интенции «слов нет: дури хватает везде», «ни дня без пол-литра, ни шагу без кружки пива, ни минуты без сигареты», «такое впечатление все наше население – какой-то сброд». Аналогичный авторский прием – *игровая стратегия*, обратимся вновь к текстам В. Костикова: «В. Путин сказал: “из желудка все достану и раздам бедным...”. Во время кризиса такие слова вспоминаются как-то особенно ярко. Будят воображение. Так не пора ли с помощью рентгена посмотреть, что там у наших “валтасаров” в желудках? Или уже ничего нет? Все переварили в доллары?», используя жаргонный эквивалент экономических понятий он тем самым затрагивает разные пласты культуры с помощью языка как его компонента. Благодаря этим техникам журналист имитирует реальную ситуацию, утрируя ее с помощью языковых методов, характерных для постмодернистских текстов СМИ.

Дискурс дает представление о предметах и людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях, либо об их сложном сплетении, то есть о некотором фрагменте мира, который мы именуем *ситуацией*. Каждая новая порция информации об определенной ситуации может быть использована для расширения и совершенствования «*ситуативной модели*». В СМИ часто встречаются «ситуативные модели», когда *контекст* является неотъемлемой частью журналистского дискурса. Он связан не только с объектами, о которых идет речь, следовательно, для его понимания требуются не только ситуационные модели. Обратимся к нашумевшей истории, произошедшей 9 января 2009 г. на Алтае, когда разбился вертолет с охотниками. Рассмотрим, как ситуация стала основой серьезного журналистского дискурса (расследования) в «Новой газете» [5]. Журналисты «Новой газеты» Елена Рачева и Екатерина Гликман последовательно анализируют данную «ситуативную модель». Расследование состоит из пяти частей и занимает три полосы газеты.

Первая часть называется «В охотку». Контекст публикации – катастрофа вертолета МИ-171 компании «Газпромавиа», на борту которого находились высокопоставленные чиновники и три члена экипажа. В результате катастрофы только один человек остался жив. Журналистский дискурс разворачивается, когда авторы повествуют не о самой трагедии, а о ситуации, повлекшей эту трагедию: «Какое удовольствие для высокопоставленного чиновника – расстреливать с вертолета беззащитных животных. Это уже “хорошая традиция” такая...». Следующая авторская «порция» информации: «То, что вертолет с ВИП-чиновниками разбился, – тоже не случайно. Политика здесь ни при чем. Тут сказываются животные инстинкты политиков. Инстинкт власти заставляет их нарушать правила охоты и правила полетов, животный инстинкт власти лишает их разума и провоцирует на необдуманный риск». Третья «порция» информации: «Это не охота. У охоты есть правила. Вертолет и снегоход в правила не входят. Охота в заповедниках – тоже. Как и охота на редкие и исчезающие виды животных. Или на беременных самок».

Во второй части публикации, которая называется «Экологическая катастрофа: что случилось с вертолетом Ми-171 в Горном Алтае» журналистский дискурс исследует техническую и экологическую сторону ситуации. Вот очередная «порция»: «13 января барнаульский сайт “Алтапресс” опубликовал фотографии места крушения, где хорошо видно разбросанные вокруг вертолета туши убитых животных. В российском отделении Всемирного фонда дикой природы в них опознали занесенного в Красную книгу архара. Экологи написали письмо в Генпрокуратуру, в котором потребовали провести расследование и наказать “организаторов браконьерской охоты”». Заканчивается вторая часть «рабочей» идеей автора: «выжившим не было выгодно появление спасателей сразу после катастрофы. Не исключено, что им нужно было успеть убрать с места крушения оружие и другие улики охоты».

Третья часть журналистского расследования называется: «Улики в горах не найти...». Браконьерскую охоту решили признать?». Журналист Елена Рачева для доказательности приводит интервью политолога Юрия Чернышова, директора Алтайской школы политических исследований по поводу этого происшествия: «На всем Алтае поднялась сильнейшая волна возмущения. И федеральные власти попали в сложную ситуацию: они не могут ни замолчать браконьерство, ни резко осудить его. Слишком много чиновников устраивают подобные охоты».

Затем в четвертой части «Черное сафари: как, где и на кого охотятся в Алтайских горах» журналисты вводят читателя в самую суть проблемы, представляя следующую «порцию» разоблачающей информации: «Вертолетные охоты крупными чинов-

никам в Горном Алтае ведутся давно. Но чиновники не привыкли ходить пешком, поэтому тактика охоты обычно одинакова». Автор свидетельствует о жестокости «Черного сафари», порционно вводя доказательства: «Охотникам даже лень вылезать из вертолета, и они палят по стаду животных сверху, получается не охота, а избиение». Вторая «порция» – фрагмент из интервью председателя Геблеровского экологического общества из Барнаула Алексея Грибкова: «Места, где проводится охота, – пограничная зона; там особый пропускной режим. Это лишь подтверждает: охотиться там могут только крупные чиновники, которым никто не указ». Третья «порция» компромата: «На охотника работает целая инфраструктура: техника, турбазы, таксидермисты. Более того, отчеты о популяциях редких видов животных, которые составляют в Алтайском заповеднике, по закону передаются природоохранительным властям, отсюда в ведомство Виктора Каймина (председателя Комитета по охране животного мира Алтая), превращаясь в пособие для охотников». Четвертая «порция» информации, которую приводит автор – мнения местных экологов «Они не раз обращались в прокуратуру с доказательствами незаконных охот. Но дела или не возбуждались, или не доводились до конца. Почему – стало понятно, когда алтайским журналистам удалось найти приказ: «За активное участие в проведении республиканской выставки охотничьих трофеев». Поощрение выражалось в новых лицензиях на отстрел медведей, маралов и козерогов». В конце этой четвертой части, журналист Елена Рачева приводит собственный рабочий вывод: «На Алтае вообще трудно разобраться, кто занимается охраной, а кто истреблением. За подтверждением незаконных охот на Алтае не нужно далеко ходить».

И в заключение пятой части журналистского расследования «Охотничий инстинкт власти» автор Екатерина Гликман для убедительности и достоверности своих (и коллеги Елены Рачевой) суждений, размышлений и выводов приводит интервью с орнитологом, этологом, академиком РАЕН Виктором Дольником «Чем сильнее животные инстинкты в человеке, тем кровожаднее из него получается охотник. И еще одна закономерность: чем больше у человека власти, тем больше животные инстинкты побеждают в нем человеческое. Люди власти не охотятся по правилам, это естественно. Потому что правила не для них. Власть и состоит, в частности, в нарушении законов (чужих). То есть, нарушая законы, человек идентифицирует себя как человека власти. Это чисто человеческая черта. В природе такого нет». «Ситуативный контекст» – катастрофа вертолета в горной части Алтая – стал предметом журналистского дискурса, в котором журналисты-исследователи смогли с помощью криминалистского и антропологического дискурса создать свой

«авторский» дискурс, тем самым, еще раз подтверждая нашу идею: в журналистике всегда присутствуют смешанные дискурсы, и социальная журналистика, на подобных примерах как нельзя лучше демонстрирует их. Этот пример кажется частным, но воспроизводит те тенденции, которые характерны для качественной прессы, к которой относится рассматриваемая нами проблемная журналистика. Как будет показано в следующих главах, качественная пресса – это дискурсное поле, в котором смешение всевозможных дискурсов – это и есть разные способы озвучивания тех или иных проблем, приводящие к легитимации и способствующие выработке авторских способов постановки и решения творческих методов.

Немало проблем, которые являются привычной частью нашей повседневности. Не дать к ним привыкнуть – это тоже дело средств массовой информации. Именно социальной журналистике принадлежит главенствующая роль в определении ситуации как социальной проблемы, в придании ей масштаба – «меры респектабельности» – и в выяснении того, насколько эта проблема несовместима с ценностями общества.

Как происходит проблематизация скрытой конфликтной ситуации, рассмотрим на примере публикации в «Аргументах и фактах» «За что мы убиваем детей?» [6]. Подзаголовок также свидетельствует о трагичности контента журналистского материала: «За неделю в школе и под колесами гаишников погибли 7 учеников». Публикация включила в себя описание четырех трагедий. Первая публикация – «Сбил Настю и уехал...» – о несчастном случае в Свердловской области: в г. Асбесте сотрудник ДПС сбил пятиклассницу Настю Баталову и, не останавливаясь, уехал с места трагедии. Еще один трагический случай произошел уже в г. Сысерть примерно в этот же промежуток времени – семилетнего мальчика Максима Назарова сбил оперуполномоченный армилевского ГОВД. Инспектор находился за рулем в нетрезвом виде. Трагедия, произошедшая в селе Беляевка Оренбургской области, унесла жизнь пяти девочек-отличниц, еще четверо получили ранение. Рухнувший лестничный пролет школы убил детей, а учительница погибших школьниц покончила с собой. Трагедия в Ярославле с 16-летним Олегом Васильевым случилась из-за синяка и отека, который он получил, играя в футбол. Семья Васильевых семь раз обращалась к врачам: травмпункт, больница, «Скорая»... Их сыну даже делали рентген и опять отсылали домой со словами. «До свадьбы доживет!». Его не взяли в больницу, и он умер дома, в своей комнате, ночью во сне. В конце этих журналистских материалов правдивое послесловие редакции: «Нет ничего страшнее детской фотографии в траурной рамке... Нам кажется, что дело скорее в кризисе

души, в извращенном отношении чиновников, взрослых к беззащитной детской жизни. Кризис души взрослых выжигает детские сердца».

Рассуждая на предмет журналистских творческих способов, можно ввести еще один значимый для журналистских практик способ – *интердискурсивность*, которая возникает в журналистском тексте со сложным и многоуровневым контекстом. Другими словами, интердискурсивность возникает, когда различные дискурсы и жанры артикулируются вместе в одном коммуникативном событии. Посредством новых артикуляций дискурсов изменяются границы не только внутри дискурса одного порядка, но также и между различными порядками дискурса. Творческие дискурсивные практики, в которых дискурсы различных видов комбинируются. Интердискурсивность – это форма *интертекстуальности*. Интертекстуальность обозначает условие, посредством которого все коммуникативные события основываются на событиях, произошедших ранее. Невозможно избежать применения слов и фраз, которые уже использовались ранее. Одни тексты явно основываются на других текстах, например, цитируются в СМИ, научной литературе, документах и пр. Примером может послужить публикация из «Российской газеты» от 24 октября 2008 г. №223 (4780). «Провинциальный экстремизм» с подзаголовком «Удар по голове на национальной почве», где журналист в материале использует сводки МВД, рассказы очевидцев, ссылается на публикации из газет «Русское вече» и «Новгородец», приводит литературную аналогию из произведений Ф. М. Достоевского, и его знаменитое высказывание: «Русские люди весьма непрочной ненависти. Любовь прочнее». Как правило, такие интертекстуальные журналистские тексты свидетельствуют о серьезном подходе и эрудиции автора.

Текст можно рассматривать как звено в интертекстуальной цепи, то есть нескольких текстов, в которых один текст включает элементы другого текста или текстов. Например, в нашем случае, когда журналист вводит в контент текста элементы статистических данных, историческую справку или свой предыдущий журналистский опыт, описанный уже в другом творческом ключе. В процессе восприятия читатели и слушатели включают элементы из текста в создании нового текста. Например, некоторые дискурсы имеют более сильное воздействие в СМИ, чем другие. Интертекстуальность обычно рассматривается как позитив, как внесение дополнительных смыслов, как удерживание в дискурсе валидных (т. е. значимых) языковых техник и валидных (т. е. представляющих ценность для социума) высказываний и как мощная стратегия воздействия на получателя [7].

Метод «*игровой ситуации*» – еще один творческий способ в современной медиапрактике. Обра-

тимся к «Новой газете»¹, в которой техника «игровой ситуации» используется как особая форма исследования и познания окружающего мира. Вымышленные герои Степан и Хрюн размышляют на темы экономического кризиса и политической ситуации в России. Игровое отношение к действительности, ирония, «карнавализация», языковая раскрепощенность, например диалог Хрюна и Степана: «То есть в самую глубь идти – никаких запасов не хватит! Возьми лучше перчаток побольше и щипцы для белья. Будем там на самом дне по помойкам рыться!», – отвечает Хрюн, а Степан ему отвечает: «С другой стороны, если наши госканалы послушать, никакого особого пипца...пипеца то есть, нету. Это не рубль падает, это доллар и евро скачут, причем синхронно! А рубль стоит как вкопанный». А вот чем заканчивается их диалог про финансово-политическое положение в России: «Хрюн: «Когда власть сама себя поддерживает – это то... самое, что я иногда... в тубзалете делаю, когда у Хавроньи голова болит. Стыдно, но приятно!». «Степан: «Фу на тебя! Просто наша власть только и знает, как выходить на улицы себя поддерживать, но понятие не имеет, как выходить из кризиса». Утрируя реальность, герои из передачи «Спокойной ночи, малыши!» Хрюн и Степан, реальные события переводят в другой пласт и создают образный и выразительный контекст. Этот игровой дискурс [8] помогает имитировать чужую речь и задать общению ироническую комичность.

Ниже, в «подвале» полосы размещены размышления собкора Филиппа Шарикова, который также использует творческий способ изложения мыслей – игровой дискурс – «Сигнал в России больше, чем сигнал» – так называется статья. Контент моделирует проблему в различных плоскостях: «Сегодня никто ничего не понимает, никто ничего не хочет объяснить, но и не хочет признаваться в этом. Поэтому все посылают сигналы. Сразу в голову приходят два главных сигнала – это большой палец, просунутый между указательным и средним, в кармане народа и выпрямленный средний, открыто показываемый ему в ответ». Вторая плоскость: «Простейший вариант – бибиканье автомобиля. Он означает «уйди с дороги». Когда Владимир Владимирович возглавил «Единую Россию» – это было простое и понятное бибиканье остальным партиям». Иная плоскость: «Иногда сигналы перекрывают друг друга и усиливаются. Например, журналист хотел подать обществу сигнал о некоем чиновнике. Допустим, в Свердловской области. Чиновник нанес несколько сигналов по лицу и фотоаппарату. В результате сигналы сложились в один большой сигналице, по которому чиновника посадили. Но после сигнала сверху – выпустили. И это четкий сигнал журналисту. Еще раз будешь фотографировать его неправильно припар-

1. Новая газета. – 2009. – 6 февр. – № 12. – С. 6.

кованную машину – снова получишь в пятак своего фотоаппарата». Такой текст – это возможность свободно высказаться и обсудить с читателем те проблемы, которые «закрываются» для публичного диалога в СМИ. Таким образом, с помощью игры, автор сам моделирует свое творческое поведение, обработку реального факта и реализацию своей программы: что он хотел сказать и как он это сделал.

Анализируя творческие способы конструирования социальных проблем: *убедительные нарративы (или убеждения-требования), контрриторические стратегии, авторский дискурс (или авторизация), «ситуативная модель», метод проблематизации, интердискурсивность, «игровая ситуация»,* возможно, сделать следующие выводы:

1. СМИ – это дискурсивное поле, в котором смешение всевозможных дискурсов – есть разные способы озвучивания тех или иных проблем, приводящие к легитимации и способствующие выработке авторских способов постановки и решения творческих методов.

2. Дискурс происходит в рамках коммуникативных наук, поэтому мы попытались затронуть коммуникативные предпосылки проблемного дискурса. Именно с помощью этого метода мы анализировали о проблемах, тенденциях и перспективах социальной журналистики.

3. Дискурсивные практики возникают только тогда, когда реальное событие моделируется, плавно перетекая из медиа-события в медиа-текст, объединено с экстралингвистическими, прагматическими и социокультурными факторами.

4. Конструирование и моделирование творческих способов в социальной журналистике возможно только тогда, когда журналист (автор) способен самостоятельно оценивать и осмысливать реальную ситуацию, «виртуально» мыслить, демонстрируя свою мировоззренческую позицию и индивидуальность языковой раскрепощенностью, стремлением отойти от заданности и ориентированности своего издания, поиска оптимальных средств реализации своих творческих размышлений в практике массовой медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер А. Нарративы в массовой культуре, средствах массовой информации и повседневной жизни / А. Бергер // Контексты современности – II. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1998. – С. 27.
2. Вестник Моск. ун-та. Сер.10. журналистика. – 2006. – № 2. – С. 49.
3. Аргументы и факты. – 2008. – № 47 (декабрь). – С. 7.
4. Аргументы и факты. – 2009. – № 8 (февраль). – С. 11.
5. Новая газета. – 2009. – 23 янв. – № 6.
6. Аргументы и факты. – 2008. – 8-14 окт.
7. Ревзина О. Г. Когнитивная организация газетного дискурса / О. Г. Ревзина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10.

Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 46.

8. Сметанина С. Медиа-текст в системе культуры / С. Сметанина. – СПб., Изд-во : Михайлова В. А. – 2002. – С. 179.

9. Новая газета. – 2009. – 6 февр. – №12. – С. 6.

10. Республика Марий Эл в цифрах / Маристат. – Йош-

кар-Ола. – 2007. – 261 с.

11. Региональная пресса России и структуры гражданского общества: сотрудничество во имя развития / [сост. И. М. Дзялошинский]. – М. : Институт гуманитарных коммуникаций, 1999. – 151 с.

Волжский филиал Казанского национального исследовательского технологического университета

Баутина П. В., кандидат филологических наук, доцент

E-mail: autin-i@yandex.ru

Volga Branch of the Kazan National Research Technological University

Bautina P. V., Candidate of Philology, Associate Professor

E-mail: bautin-i@yandex.ru